

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОЛАМИ В УЗЛЕ РАСОВЫХ, ВОЗРАСТНЫХ И КЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДЕБАТЫ ВО ФРАНЦИИ В ПЕР- ВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА¹

Жюльет Ренн

Жюльет Ренн. Адрес для переписки: EHESS-GSPM, 190 avenue de France, 75013, Paris. rennes@ehess.fr.

Я выражаю искреннюю благодарность тем, кто обсуждал со мной план выступления, а также тем, кто помог придать тексту окончательный вид: Ларисе Захаровой, Александру Бикбову, Марии Хачатурян, Екатерине Ушковой. При этом именно на мне остается вся ответственность за формальные аспекты и, конечно, за содержание статьи.

ВВЕДЕНИЕ

Мои исследования связаны с несколькими областями социологии и истории, такими как теория дискурса в социоисторической перспективе и история дебатов, начиная с XIX века, о юридическом равенстве между гражданами Франции. В этом году вместе с коллегой я начала руководить магистерской программой по гендерным исследованиям в Высшей школе социальных наук (École des hautes études en sciences sociales) в Париже и, поскольку тема этого года во Французском университетском колледже, где я курирую социологическую специализацию, также связана с гендером, я сочла важным представить обзор некоторых исследований по этой тематике, ведущихся во Франции. Учитывая разнообразие подходов и публикаций, я сосредоточусь прежде всего на проблематике пола в связи с другими властными отношениями: расовыми, возрастными и классовыми. Такой подход не

¹ Этот текст был произнесен по-русски как публичная лекция в рамках открытого семинара «Философские среды» в Центре современной философии и социальных наук (Философский факультет МГУ им. Ломоносова). Лекция состоялась 15 апреля 2011 года, она была организована Гийомом Гаррета, директором Французского университетского колледжа в Москве, и Александром Бикбовым, сотрудником Центра.

совсем нов, но он бурно развивался в последние годы в гендерных исследованиях и в общественных движениях на международном уровне (ICREF 2006). Поэтому, помимо примеров академических работ, где за последние годы этот подход получил значительный импульс, я буду также затрагивать тему гендера в том звучании, которое ей придали общественные движения во Франции.

Прежде всего я хотела бы кратко представить проблематику взаимовлияния пола и других властных отношений с гендером в рамках «межкатегориального» подхода, или подхода «взаимопересечений»². Далее на некоторых примерах я покажу, каков вклад этого подхода в социальные исследования и в феминистскую борьбу. Наконец, представлю отдельные примеры социологических и политических дебатов во Франции, касающихся отношений между феминистскими и антирасистскими общественными движениями. Следует заметить, что эти отношения могут быть весьма различны и носить характер союза, конкуренции или оппозиции.

1.1. ПОНЯТИЕ ГЕНДЕРА

Вероятно, всем известно, что 30–40 лет назад, когда в Соединенных Штатах исследователи стали употреблять понятие «гендер» (например, Oakley 1972), своей целью они ставили обозначить исторический и социальный процесс конструирования разницы между полами и господства мужчин над женщинами. Понятие «гендер» означает не только процесс дифференциации, но также и систему распределения власти. Как следствие, целью гендерных исследований стал анализ и понимание механизмов (политических, социальных, культурных, юридических), которые способствуют воспроизводству дифференциации и иерархизации между полами в обществе.

Во Франции термин «гендер» получил широкое распространение только в 1990-х годах на очень схожих политических и эпистемологических основаниях, хотя академические исследования по проблемам «феминизма» и «социальных отношений между полами» начали проводиться еще в 1970-х годах (см.: Berger 2008). Основная идея состояла в том, что социальное различие между полами не является результатом их биологической разницы. Иными словами, не существует необходимой, природной, неизбежной связи между обладанием женскими половыми органами и ношением юбки, или получением женщинами зарплаты на 20 процентов ниже зарплаты мужчин, или между не-вынашиванием детей и ношением галстука и т.д. (Guionnet et Neveu 2004: введение).

Когда университетские «гендерные исследования», «феминистские исследования» или «исследования социальных отношений между полами» появились в 1970–1980-х годах, этот подход уже имел своих предшественников и в Соединенных Штатах, и во Франции. Его, например, разделяла Симона де Бовуар, когда шестьдесят лет назад писала книгу «Второй пол»: идея, что анато-

² Во Франции частью исследователей употребляется термин «intersectionnalité» (англ. «intersectionality») и ведутся дебаты о том, какую терминологию использовать, чтобы обозначить неразрывную, динамическую связь между различными аспектами властных отношений (например, Ker goat 2009).

мический пол как таковой не определяет социальную роль (позже она закрепилась в различии между «полом» и «гендером»), была ясно представлена в известном отрывке: «Женщиной не рождаются, ею становятся. Ни биология, ни психика, ни экономика не способны предопределить тот облик, который принимает в обществе самка человека» (Бовуар 1997: 5).

Тем не менее, за последние тридцать лет, по мере развития академических гендерных исследований, их сторонники детально анализировали значение и проявления этой связи во всех областях социальной жизни: в семье, школе, на рынке труда, в праве, СМИ, языке, процессе глобализации и т.д. Кроме того, мужественность или «маскулинность», которую Бовуар не анализировала саму по себе, постепенно стала таким же предметом исследований для социологов и историков, как и женственность. В рамках гендерного подхода исследователи стали анализировать, каким образом отношения женщин и мужчин друг с другом меняются от эпохи к эпохе и каким образом то, что означает быть «мужчиной» и «женщиной» зависит от исторического периода и от устройства общества³. Это явление иногда описывается понятиями «гендерная мобильность/подвижность» или «мобильность гендера» (Kergoat et Guichard-Claudic 2007).

Так, например, во Франции в XVIII веке мужчины из аристократической среды делали макияж, носили сложные туалеты, а в XIX веке, после Великой французской революции, буржуазная маскулинность полностью исключила эти атрибуты, отчасти чтобы подчеркнуть отличия от аристократии (Bard 2010). Внешние признаки, которые раньше стали интерпретироваться как проявление осуждаемой аристократической праздности, превратились таким образом в исключительно женские, символизирующие буржуазный идеал замужней женщины-домохозяйки.

В итоге можно сказать, что, в отличие от «women's studies» или исследований о «положении женщин», понятие гендера обращено не на положение мужчин или женщин по отдельности, но на сам принцип разделения между полами, на систему их иерархизации и на историческое определение женственности и мужественности как результата постоянных взаимных перемен и переключений, связанных с иными социальными изменениями.

Таким образом, понятие гендера можно соотносить с другими понятиями, используемыми для анализа общественных отношений, такими как класс, возраст, раса⁴. Как и в приведенном выше примере с противопоставлением между буржуазным и аристократическим типами мужественности, в более общем виде это понятие (гендер) позволяет исследовать и то, каким образом отношения между полами пронизывают классовые, возрастные и расовые отношения.

³ Например: Mosse 1996, и в последнее время: Sohn 2009; Courtine, Vigarello, Corbin 2011.

⁴ В данной статье я использую термин «раса» не для того, чтобы обращаться к биологическим или генетическим фактам (известно, что человеческих рас не существует), но чтобы обозначить социальное отношение расиализации: существуют различные формы превосходства, основанные на конструировании различий между социальными группами, воспринимаемыми как различные расы.

1.2. ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМНОГО ВЛИЯНИЯ ПОЛОВОЙ, РАСОВОЙ, ВОЗРАСТНОЙ И КЛАССОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

Активные попытки связать гендер с другими категориями анализа, предпринятые в 1970–1980-х годах (например, James 1973; Guillaumin [1978] 1992), возобновились в последние годы, причем в новом масштабе и на международном уровне. Например, совсем недавно во Франции были заново открыты и переведены труды американских чернокожих феминисток (Dorlin 2007; Davis 2007), которые в шестидесятые годы подробно описали, что быть чернокожей и белокожей женщиной в Америке означает занимать разные места во властных отношениях (Hill Collins [1990] 2009; 2005; Smith 1983). В частности, они показали, что для американских чернокожих женщин трудно было понять и разделить взгляд белокожих феминисток на семью как на место подчинения, от которого надо освободиться. Для чернокожих женщин семья, наоборот, часто выступала структурой, защищающей их от расизма американского общества. Кроме того, как продемонстрировали Анджела Дэвис и бел хукс, борьба белокожих феминисток с мифом «прекрасной хозяйки» (angel of the house) и «вечной женственности» (Eternal Feminine) не имела большого значения для большинства афроамериканских женщин, которые всегда много работали и часто не воспринимались в доминирующей культуре как «настоящие женщины». Их чаще описывали как «мужеподобных», вульгарных «матрон» и т.д. (Davis [1983] 2007; hooks 1981).

Иначе говоря, мифы о «вечной женственности» и «прекрасной хозяйке» являлись, несомненно, принудительными для белых женщин, которые желали обладать свободой труда и освободиться от норм «женственности»⁵, однако те же мифы являлись знаком социальной привилегии белых женщин – права воплощать «настоящую» женственность. Схожим образом в период рабства и колонизации обстоит дело и с белыми мужчинами: они полагали, что представляют настоящую, цивилизованную, культурную маскулинность, в отличие от чернокожих мужчин, которые считались, с одной стороны, более близкими к природе, а значит, более «дикими», а с другой – более «женственными», поскольку они были поставлены в зависимое от белых мужчин положение и вынуждены были вести домашнее хозяйство (Stoler 2002). Таким образом, легко заметить, что язык гендера используется для того, чтобы обозначить расовое превосходство, и указывает не только на властные отношения между мужчинами и женщинами, но также и на другие властные отношения – в частности, между мужчинами.

Кроме того, если говорить о взаимодействии признаков расы и гендера, можно показать, что проявления расовой дискриминации меньшинств различны в отношении мужчин и женщин. Так, при трудоустройстве во Франции, согласно статистике, женщины-иммигрантки чаще, чем мужчины-иммигранты, занимают непостоянные рабочие места и получают более низкие зарплаты. Кроме того, женщины-иммигрантки испытывают различные формы сексистского насилия, которым мужчины подвергаются реже. При этом было бы неверно утверждать, что в случае иммигранток гендерное неравенство удваивает расовое и что, будучи жен-

⁵ См., например, разоблачение этой нормы в работе: Friedan [1963] 2010.

щинами и будучи иммигрантками, они непременно испытывают «вдвое больше», чем мужчины-иммигранты, проявлений дискриминации. В действительности мужчины-иммигранты подвергаются некоторым особым формам дискриминации, обусловленным тем, что в общественном мнении они часто вызывают недоверие или страх, и поэтому им труднее, чем женщинам, снять квартиру, устроиться на такую работу, где требуется личный контакт с клиентами, попасть на дискотеку или свободно перемещаться в общественном пространстве, где они чаще подвергаются проверке документов (Falquet et al. 2008).

Типы гендерного неравенства различаются также в зависимости от принадлежности к тому или иному социальному слою. Например, в странах глобального Запада женщины, которые имеют финансовую возможность избавиться от домашней работы и частично от ухода за детьми, нанимая для этого домработниц и нянь (как правило, иммигранток), проблема неравного распределения внутри семьи хлопот по хозяйству и родительских забот касается далеко не в той же степени, чем женщин менее обеспеченных⁶. Поэтому можно утверждать, что все женщины в различной степени страдают от сексизма и что все иммигранты страдают от расизма. Однако не бывает ни одинакового опыта сексизма, ни одинакового опыта расизма: для каждой женщины опыт сексизма зависит от других властных отношений (Dorlin 2008: 37), в частности, как мы только что это показали, – не только расовых и классовых, но также возрастных и половых. Опыт сексизма будет различаться у девушек и женщин пожилого возраста, или у гетеросексуальных женщин и лесбиянок.

Точно так же формы расизма и дискриминации различаются в зависимости от социального окружения, пола или возраста. Например, иностранцы-гомосексуалы подвергаются другим формам дискриминации, нежели иностранцы-гетеросексуалы и «местные» гомосексуалы. Ведущиеся сегодня исследования принимают в расчет специфические формы дискриминации, которые находятся на пересечении расового и полового измерений.

Речь идет, например, о косвенных юридических дискриминациях иностранцев-гомосексуалов (и транссексуалов). Эти виды дискриминации связаны с самим правом иммигрировать и приобретать гражданство. Действительно, заключить брак с гражданином европейского государства или с иностранцем, имеющим вид на жительство, – хотя это все труднее сделать во Франции из-за новых законов против «фиктивных браков» – является одним из наиболее доступных способов для иммигрантов «закрепиться» в Европе, поскольку сегодня быть просто студентом, работником или политическим беженцем для этого часто недостаточно. Поэтому, поскольку в большинстве европейских стран брак гомосексуальных пар не разрешен и не существует пока настоящего права на убежище для гомосексуалов, которые являются жертвами преследования в своей стране, риск стать нелегалами для гомосексуалов-иммигрантов (и в еще большей степени – транссексуалов) всегда выше, чем для мигрантов из числа гетеросексуалов (Elman 2000; Manalansan 2006).

⁶ Исследование, проведенное в 2009 году, показывает, что во Франции женщины выполняют восемьдесят процентов работ по дому (Régnier-Loilier 2009).

Помимо юридического аспекта современные исследования обращаются также к анализу особых форм расизма, которым подвергаются чернокожие гомосексуальные мужчины внутри гей-сообщества, в котором доминируют белые мужчины. Неоколониальная экзотизация черного мужского тела, которое считается более «мужественным», «сексуальным» и «диким», провоцирует со стороны белых геев стереотипные ожидания, которые приводят к отрицанию индивидуальности чернокожих геев (Galli 2011).

Таким образом, новизной гендерных исследований последнего десятилетия является не столько намерение связать проблематику гендера и расы – это сделали еще американские «черные феминистки», – сколько использование подхода, принимающего в расчет сразу несколько параметров, а также увеличение числа этих параметров: гендер, класс, раса, сексуальность... а также возраст – фактор, к которому мы еще вернемся. Кроме того, в 1970-е годы в рамках гендерных исследований больше *сравнивали* дискриминацию по половому, расовому и классовому признакам, но реже думали о *взаимном влиянии* расы, класса и пола.

Далее я хочу кратко представить некоторые примеры первых исследований, проведенных в 1970-е годы во Франции, – исследований, которые сравнивали господство и дискриминацию по половому, классовому и расовому признакам, а затем представить пределы и границы этого сравнения.

II. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД МЕЖДУ РАСОЙ, ПОЛОМ И КЛАССОМ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ И ПРАВЕ

II.1. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ФЕМИНИЗМ И СРАВНЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ДОМИНИРОВАНИЯ

Анализ сексизма во Франции в семидесятые годы XX века, выполненный в рамках так называемого материалистического феминизма⁷, основывался, во-первых, на более ранних подходах к анализу расизма и антисемитизма в социологии, антропологии и в социальной психологии⁸ и, во-вторых, на марксистской теории социальных классов. В этот момент феминистические исследователи хотели продемонстрировать и подвергнуть анализу аналогию между гендерными, расовыми и классовыми отношениями.

Идея состояла в том, что социальное, гендерное и расовое господство основывается на одних и тех же логических схемах:

а) во-первых, это материалистическая логика присвоения результатов труда (например, в рамках патриархального института брака – это присвоение мужчинами результатов домашнего труда, бесплатно осуществляемого женщинами; в рам-

⁷ За рубежом французских материалистических феминисток не относят к представителям так называемого французского феминизма (Кристева, Иригарэ, Сиксус и др.), но во Франции университетские гендерные исследования значительно чаще опираются на их труды, чем на труды «французских феминисток» (например: Mathieu 1991; Guillaumin [1978] 1992; Tabet 1998; Delphy 2001).

⁸ Например: Fanon 1952; Memmi 1957; Myrdal [1944] 1996; Sartre 1954.

ках капиталистической, колониальной или рабовладельческой системы – это присвоение результатов труда, осуществляемого рабочими/колонируемыми/рабами);

б) во-вторых, это та же когнитивная и аргументативная логика оправдания такого отношения господства: доминирующая группа оправдывает это присвоение неполноценностью, несамодостаточностью подчиненной группы. Поэтому целью материалистической феминистической теории, также как и целью социологии господства того времени, являлось стремление показать на конкретных примерах, что на самом деле эта неполноценность не предпослана властной асимметрии. Наоборот, именно отношения власти создают эту неполноценность, в том числе на юридическом уровне;

в) в-третьих, материалистические феминистки желали показать, что *восприятие* разных подчиненных групп (женщины, колонизируемые, рабочие и др.) тоже основано на одной и той же логике. Как писала, например, французский социолог Колет Гийомен в 1972 году (Guillaumin 2002 [1972]), доминирующая группа не воспринимает членов подчиненной группы как индивидов, в том смысле, что быть индивидом значит одновременно принадлежать ко всему человечеству и обладать индивидуальными особенностями, уникальностью. С точки зрения доминирующей группы, члены любой подчиненной группы не могут представлять человечество, поскольку они определяются через то общее свойство, которое отличает их от доминирующей группы, а та, в свою очередь, представляет собой подобие модели (или нормы) человечества. В то же время члены подчиненной группы до такой степени определяются через свое общее отличие от доминирующих, что любой из них не может быть уникальным индивидом. Каждый из них лишь представляет свою группу, отличие этой группы от доминирующих индивидуумов. Как показывает Колет Гийомен, в расистском, классово-дискриминационном или сексистском дискурсе каждый из членов подчиненных групп выступает «индивидуальным обобщением социальной особенности». Например, если какая-то женщина плохо водит машину, то часто считается, что это происходит потому, что все женщины плохо водят. Однако если плохо водит какой-то мужчина, считается, что у него *личная* проблема с вождением, поскольку стереотипа о плохом вождении мужчин просто не существует.

Подобные различия в интерпретации одних и тех же типов поведения в зависимости от того, оцениваем ли мы ситуацию с позиции доминирующей или с позиции подчиненной социальной группы, в результате психолого-социологических исследований расовой дискриминации нашли многочисленные документальные подтверждения за последние тридцать лет (Hamilton Krieger 2008).

Исследования по социальной психологии показали, например, что если любой серийный убийца является белым мужчиной, выходцем из среднего класса, то общественное мнение не будет делать на этом основании вывод, что все белые мужчины, принадлежащие к среднему классу, опасны (Bridges and Steen 1998). Однако если этот человек происходит из стигматизированной социальной группы (во Франции это иммигранты из Северной Африки, в Германии – турки, в Италии – румыны и цыгане, в России – иммигранты из бывших советских республик и т.п.) – все, что он делает, будет интерпретировано в соответствии с негативными стерео-

типами, относящимися к его группе. Дело будет подано так, словно его действия призваны подтвердить эти стереотипы.

II.2. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ И СРАВНЕНИЕ МЕЖДУ ТИПАМИ ДИСКРИМИНАЦИИ

Сравнение современных типов дискриминации, затрагивающих ту или иную социальную группу, с типами дискриминации в прошлом (то есть с такими типами, которые больше не имеют места и которые затрагивали совсем иную социальную группу) наделено двумя несколько различающимися функциями. Это, с одной стороны, эпистемиологическая задача, ставящая своей целью исследовать феномен дискриминации, а с другой – особая стратегия борьбы, которая состоит в требовании признать права одной социальной группы по модели другой, чьи права уже были признаны (Reppes 2011), или, иначе говоря, в установлении соответствия между двумя ситуациями подавления (Laclau and Mouffe 1985). Поэтому сопоставление разных видов дискриминации и единый подход к ним стал предметом работы также в общественных движениях и в праве.

Во Франции защитники иммигрантов часто говорят, что сегодня положение иностранцев неевропейского происхождения, у которых нет избирательных прав и которым запрещен доступ к государственным профессиям, подобно положению женщин в этой же стране до середины XX века. В свою очередь, сами француженки, которые в конце XIX века требовали избирательного права, сравнивали свое положение с положением евреев в период монархии (поскольку до Великой французской революции 1789 года у евреев так же не было тех прав, которые имела остальная часть мужского населения). Тогда же феминистки сравнивали разницу в социальных статусах, приписываемых разным полам в демократическом обществе, с разницей между аристократами и простыми людьми в эпоху монархии. Они обвиняли мужчин, сопротивлявшихся равенству, в том, что те уподобляются аристократам, которые отказывались делиться своими привилегиями с представителями неблагоприятных сословий⁹.

II.3. ПРАВО И ЕДИНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ

Во французском и в международном праве с пятидесятих годов XX века имеется единое определение дискриминации, которое уравнивает все виды дискриминации, как это имеет место в формуле «без всякого различия». Здесь уместно вспомнить о «Всеобщей декларации прав человека», одна из статей которой гласит: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений (национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения)» (статья 2).

Точно так же французский Уголовный кодекс запрещает принимать в расчет какие-либо различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, поли-

⁹ См., например, статьи французской феминистки Юбертин Оклер (1848–1914) (Auclert 2007).

тических или иных убеждений подсудимых. Согласно трудовому кодексу, работодателям запрещено основываться на признаках расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений при приеме на работу, повышении в должности, переводе на другую работу.

Общественные движения, безусловно, используют эти юридические инструменты, чтобы требовать равенства. Но верно и обратное: эти юридические инструменты сами являются результатом активности этих движений.

III. БОРЬБА ЖЕНЩИН, ГЕНДЕРНОЕ НАСИЛИЕ И ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА. АКТУАЛЬНЫЕ ДЕБАТЫ ПО ГЕНДЕРНЫМ И РАСОВЫМ ВОПРОСАМ ВО ФРАНЦИИ

Несмотря на очевидную пользу единого подхода к разным видам господства и дискриминации, а также сопоставления их между собой, сегодня социологи и активисты все чаще склоняются к тому, что этот подход малоприменим к объяснению сложного процесса дискриминации. Он не является достаточным, например, для того, чтобы анализировать пересекающиеся дискриминации, как в указанных нами случаях женщин-иммигранток или иммигрантов-гомосексуалов, но также в более широком значении – для того, чтобы бороться с проявлениями расизма, которые могут прослеживаться в действиях феминисток, или с проявлениями сексизма и гомофобии, возможных в действиях антирасистов. Кроме того, если у каждого из движений (антирасистского, феминистского, движения геев и лесбиянок) нет четких целей, то есть риск, что феминизм, антирасизм и движение за права гомосексуалов вступят между собой в конкуренцию. Такая конкуренция, очевидно, существует в политической сфере. Следует, в частности, упомянуть об инструментализации феминизма государством с целью оправдать политику, направленную против иностранцев. Иными словами, это институциональный расизм, который оправдывает себя борьбой за равенство полов.

В связи с вышесказанным я приведу три примера дискуссий, в которых приняли участие социологи и активисты общественных движений во Франции. Эти примеры коррелируют с темами двух других дискуссий, проходивших в США и Нидерландах, о которых я также упомяну.

1. Первый пример: программа иммиграционной политики, представленная в ходе президентской кампании во Франции в 2007 году. Во время этой кампании кандидат в президенты Николя Саркози, который в тот момент был министром внутренних дел, утверждал, что Франция должна стать страной, которая принимает иммигранток, подвергающихся насилию со стороны своих мужей. Большинство феминисток могли бы всерьез поддержать такое предложение, поскольку они часто просят права убежища для женщин, которые подвергаются насилию в их родных странах. Однако после избрания Саркози многие феминистские ассоциации, которые помогли иммигранткам, были лишены государственных дотаций. Это дало им понять, что поддержка феминизма являлась в предвыборный период для членов правительства показной PR-стратегией. Помимо того, простой PR-стратегией становится стигматизация иммигрантов от имени феминизма.

В своих декларациях и речах Николя Саркози защищал тезис о том, что иностранцы (выходцы из мусульманских стран или считающиеся таковыми) в большей степени сексисты, чем французы, и что нужно защищать женщин от насилия иностранцев, особенно иностранцев-мусульман. Так, Николя Саркози заявил: «Тем, кто хочет подчинить себе свою супругу, тем, кто хочет практиковать многоженство, женское обрезание или принудительный брак, тем, кто не желает, чтобы его жена одевалась как ей хочется – всем этим людям нечего делать во Франции»¹⁰.

В качестве министра внутренних дел (2005–2007 годы) он действительно ввел санкции против иммигрантов, которые практиковали многоженство. Феминистки могли бы поддержать эти меры, если бы не тот факт, что в случае регистрации моногамного брака или депортации этих мужчин из Франции их бывшие жены теряли все социальные пособия, выплачиваемые государством. Таким образом они по сути оказывались вне закона и зачастую вынуждены были жить безо всякого социального обеспечения, не имея работы. От имени феминизма государство дискриминировало иностранцев и никак не помогало женщинам. Некоторые защитники прав человека иронически сводили эту политику к лозунгу: «Тело женщин под угрозой, закроем наши границы» (Gisti 2007).

2. Второй пример: интерпретация французскими СМИ и государством «групповых изнасилований» в 2000-е годы. В этот период некоторые феминистские ассоциации боролись против такого явления, как изнасилования, совершаемые группами подростков. Большинство насильников были французами, но часть – французами из иммигрантской среды (как и большинство обитателей пригородов, где эти изнасилования имели место). Совершая подобные преступления, эти подростки порой подражали сценам сексуального насилия из порнографических фильмов.

При интерпретации этого явления между разными течениями феминизма возник серьезный спор. Некоторые из феминисток, большая часть СМИ и политиков усматривали корень происходящего в проблеме сексизма иммигрантской среды, особенно иммигрантов-выходцев из мусульманских стран, которые не уважают женщин и относятся к ним либо как к проституткам, либо как к тем, кого должно держать в подчинении¹¹. Другие возражали, что порнофильмы, которым подражали подростки, отсылали скорее не к исламу, а к сексизму, присущему западному обществу, и отмечали, что, когда насильником является француз или католик (а по статистике большинство насильников во Франции, конечно, являются французами), никто не делает вывод, что существует серьезная проблема с «французской культурой» или с католицизмом¹². Так, было известно много примеров пе-

¹⁰ Эти слова были произнесены на Конгрессе политической партии Саркози (UMP) 14 января 2007 года.

¹¹ Такой, в частности, была позиция ряда активисток и спикеров феминистской ассоциации «Не проститутка и не покорная» (Ni Pute ni Soumise), созданной в 2003 году; впоследствии глава ассоциации вошла в правительство Саркози (2007–2010).

¹² Этот аргумент также звучал достаточно часто. В качестве иллюстрации такого взгляда можно упомянуть публичные выступления социологов и феминистских активистов Эрика Фассена (Éric Fassin), Пьера Теваньяна (Pierre Tévanian) или Кристин Дельфи (Christine Delphy).

дофилии среди католических священников, но во Франции, где католицизм относится к атрибутам господствующей культуры, никто не делал из этого вывода, что «католическая культура» как таковая ассоциируется с педофилией. И лишь когда в подобном преступлении оказывался замешан мусульманин, обязательно вставал вопрос о проблеме с «мусульманской культурой».

Французский социолог Оливье Руа, который в данном вопросе близок к некоторым феминисткам, отстаивал точку зрения, согласно которой было бы неправомерно связывать «мусульманскую культуру» и «коллективные изнасилования», поскольку «при этом забывают, что все гетто похожи друг на друга, какую бы религию ни исповедовали их обитатели. В Соединенных Штатах в гетто, населенных черными или латиноамериканцами, мы обнаруживаем точно такие же группировки молодых парней, которые контролируют улицу, живут спекуляцией и отличаются особым мачизмом. Вирильность является достоинством всюду, где доминирует сила, и это не имеет никакого отношения к религии» (Roy 2005). Однако это еще не означает, добавляли другие феминистки, что сексизм и сексуальное насилие скорее являются проблемами «социального класса», нежели «расы» или «религии», в том смысле что только «бедные обитатели гетто», вне зависимости от происхождения, становятся насильниками, тогда как представители более привилегированных социальных слоев никогда ими не станут (Fassin and Fassin 2006; Delphy 2008).

Иначе говоря, дискурс, приписывающий мачизм и насилие исключительно мигрантам, не принимает в расчет некоторые статистические данные о сексистском насилии во французском обществе в целом (*L'enquête nationale sur les violences envers les femmes en France*), полученные в рамках проведенного в 2000 году исследования с целью получить статистическую картину об актах насилия над женщинами (Jaspard 2003). Это исследование показывает, что гендерное насилие существует во всех социальных средах и что главный тип насилия – домашнее или супружеское. Действительно, по статистике групповые изнасилования не являются широко распространенным феноменом: участие нескольких человек в изнасиловании имеет место не более чем в пяти процентах случаев. При этом супружеское изнасилование – то есть ситуация, когда муж, используя силу, принуждает жену вступить с ним в сексуальные отношения против ее воли, – это почти половина из всех случаев изнасилования. Этот факт показывает банальность сексистского насилия в нашем обществе, и для того чтобы бороться с ним, нужны значительные средства, такие как большие информационные кампании, организационные структуры помощи жертвам насилия и т.д. Безусловно, легче разоблачать насилие и мачизм в среде мигрантов, чем организовывать глобальную борьбу с этим явлением (Tissot 2007).

3. Третий пример: закон 2004 года против хиджаба. В 2004 году французское государство приняло закон против религиозной атрибутики, который запрещает девушкам носить хиджаб в государственных школах¹³. При этом в ряде случаев (например, со стороны государственных служащих) этот закон был использован,

¹³ Следует отличать хиджаб (обычный платок на голове) от бурки – ткани, полностью закрывающей лицо и тело, которая стала предметом законодательного запрета: в 2010 году запрет был наложен на ее ношение во всех общественных местах.

чтобы отказать девушкам или женщинам, носящим хиджаб, в возможности посещать различные общественные институты. Один из доводов для обоснования такого запрета состоял в том, что хиджаб – это знак подчинения женщин мужчинам. По этому поводу в среде феминисток снова произошел раскол. Большинство полагало, что хиджаб действительно символизирует мужское господство, однако, несмотря на это, никто не поддержал закон¹⁴. Некоторые из феминисток проводили или цитировали исследования, в которых эти девушки объясняли, почему носят хиджаб. Исследования показали, что девушки делают это по разным причинам, а не только потому, что их заставляют или потому, что таким образом они выражают свое подчинение (Tevanian 2008).

Разумеется, чтобы принять эти выводы, нужно было допустить, что девушки отвечали на вопросы анкеты честно, не подвергаясь давлению окружения. Именно это, как правило, и оспаривали сторонники закона, утверждая, что подобные свидетельства нельзя принимать за чистую монету. Тем не менее, в некоторых случаях девушки отвечали, что носят хиджаб потому, что в таком случае родители чаще позволяют им делать то, что они хотят. Иногда родители думают, что, нося хиджаб, их дочь попросту находится в большей безопасности. В этом смысле хиджаб как таковой не является препятствием для интеграции в общество.

Некоторые опрошенные отвечали, что они хотят прежде всего отличаться от доминирующего образа девушки: эротичной и сексуальной, одетой в короткую майку и мини-юбку (как это можно видеть, например, в видеоклипах и вообще в СМИ). Иными словами, они желают скрыть свое тело и тем самым подчеркнуть отказ от обязанности доставлять удовольствие и быть всегда привлекательной. Конечно, это стремление может быть отчасти связано со страхом, вызванным мужским взглядом на тело девушки. Но если девушки желают избежать нескромных мужских взглядов, заключали противники закона, скорее следует критически объяснить, почему эти взгляды их смущают, чем вынуждать девушек подвергаться им (этим взглядам) без хиджаба. То есть проблемой являются не *сами девушки*, которые носят хиджаб, а структурные причины, располагающие к его ношению (Nordmann 2004).

По мнению противников, вторая проблема, заложенная в законе и его общественном восприятии, связана с риском воспроизводства патерналистского и неокOLONИАЛЬНОГО поведения, поскольку он поддерживает представление, будто можно освобождать людей (от их «заблуждений») против их воли, исходя из наших собственных представлений о том, что хорошо и что плохо для этих людей (Delphy 2008; 2010). Как считают противники закона, освобождать людей против их воли и выражать свою солидарность с борьбой за освобождение – это разные вещи. Противники закона также подчеркивали, что проект освобождения «арабской женщины» от сексизма ислама и от сексизма «арабских мужчин» существовал в колониальный период, и этот проект опирался на убеждение о превосход-

¹⁴ Так, против этого закона активно выступал журнал «Новые вопросы феминизма» (Nouvelles Questions Féministes), основанный в 1981 году Симоной де Бовуар, Кристиной Дельфи (Christine Delphy), Клодой Хенекин (Claude Hennequin) и Эммануэль де Лессепс (Emmanuelle de Lesseps).

стве западного общества: уже тогда господствовало утверждение, что ислам является архаичной религией, от которой нужно отказаться, чтобы стать более «современным». В колониальный период мусульмане могли приобрести частичные гражданские права, отказавшись от своей религии: тогда это явление называлось «колониальной ассимиляцией».

Вот почему для некоторых феминисток обязывать девушек сбросить хиджаб походило (отчасти) на колониальную установку. В целом они разоблачали тот факт, что данный закон был использован в националистических целях, поскольку он укрепил многих политических деятелей и рядовых французов в мысли, что сексистами могут быть только иностранцы и никогда – «настоящие французы». Иначе говоря, они разоблачали доминирующее представление, для которого сексистские мужчины являются всегда чужими, иностранцами, теми, кто плохо относится к «своим» женщинам. Они называли это явление «культурализацией сексизма». Этот термин означает стремление связывать сексизм со специфической культурой какого-либо другого народа при убеждении, что твой народ полностью лишен данного недостатка, а твоя группа не имеет сексистских тенденций (см., например: Guénif-Souïlamas et Macé 2004). Попутно можно заметить, что в мусульманских странах политические деятели используют ту же самую стратегию: например, утверждая, что в их странах женщин все уважают и что на Западе женщины унижены, воспринимаются как проститутки, и что это отражается в рекламе, на телевидении, в фильмах, видеоклипах и т.д. (Nader 1989).

В итоге представление о том, как «другой» относится к «своим» женщинам – это порой лишь повод для того, чтобы подчеркнуть специфику своей модели цивилизации, а порой – чтобы объявить или продолжить идеологическую или реальную войну с другими странами.

4. Четвертый пример: война в Афганистане, которая продолжается с октября 2001 года. Подобная инструментализация борьбы за права женщин была разоблачена американскими и британскими феминистками в контексте войны в Афганистане (Power 2009). По этому поводу вновь возникла полемика. На сей раз – вокруг обложки *Time Magazine* от 9 августа 2010 года. Согласно объяснениям журнала, на фото была изображена восемнадцатилетняя афганка, которой талибы отрезали нос в наказание за то, что она сбежала от мужа. Подпись к фотографии гласила: «What Happens if We Leave Afghanistan» («Вот что случится, если мы уйдем из Афганистана!»).

Не касаясь полемики о подлинности (и происхождении) этой фотографии, необходимо отметить, что это страшное событие произошло уже в период, когда американская армия находилась на территории Афганистана, поэтому трудно утверждать, что присутствие США препятствовало таким событиям. И если Соединенные Штаты воевали в Афганистане в том числе для того, чтобы освободить женщин от талибов, можно лишь удивляться, как при этом они могли сохранять хорошие политические и экономические отношения с Саудовской Аравией – одной из стран, где неравенство мужчин и женщин наиболее очевидно.

5. Пятый пример: «тест на гражданскую интеграцию» в Нидерландах в 2006 году. Последний пример инструментализации феминизма в борьбе против имми-

грантов приводит американский философ Джудит Батлер (Butler 2008). В частности, она пишет о Нидерландах, где в марте 2006 года был создан экзамен, названный «тестом на гражданскую интеграцию». Иммигранты обязаны проходить его, если желают остаться в Нидерландах более чем на три месяца. При прохождении теста они должны реагировать на короткометражные фильмы, в которых, среди прочего, демонстрируют голую женщину, загорающую на пляже, и целующуюся пару гомосексуалов. По проявленной реакции оценивается способность иммигранта к открытости, терпимости и свободе, которые якобы являются нормой в Нидерландах. В рамках теста иммигранты должны обсуждать и комментировать эти фильмы. Чтобы сдать этот экзамен, они, конечно, должны реагировать позитивно на оба кадра, тем самым доказав свою способность интегрироваться в голландское общество.

Конечно, можно говорить о неэффективности и непродуманности этого теста, поскольку мигранты, которые рассчитывают остаться в Нидерландах, зачастую понимают, как нужно отвечать, чтобы сдать этот экзамен и выглядеть современными в глазах чиновника, наблюдающего за их реакцией. Однако, помимо непродуманности теста, можно также заметить, что организация данного экзамена дискриминирует часть иностранцев. На деле этот тест могут не проходить иммигранты из Европейского Союза, США, Австралии, Новой Зеландии, Канады, Японии и Швейцарии – то есть из богатых стран, которые по умолчанию считаются современными. Этот тест могут также не проходить выходцы из других стран при условии, что они являются высококвалифицированными работниками, зарабатывающими более 45 000 евро в год.

По мнению Батлер, все устроено так, как если бы открытость и толерантность мигрантов считались менее важными, чем размер их доходов. Ведь среди более богатых мигрантов из соседних стран также есть расисты и гомофобы, например, члены «Vlaams Blok» – бельгийской политической партии, которая отстаивает идею о превосходстве белых над другими расами. Но им не нужно сдавать никакого теста, чтобы иммигрировать в Голландию.

Словом, даже не говоря об оправданности этого теста, Батлер критикует недоверие к мигрантам во имя феминизма и борьбы против гомофобии; она разоблачает инструментализацию либеральной гендерной политики, обращенной против иностранцев из самых бедных стран¹⁵. Кроме того, она приводит этот пример, чтобы показать, что нужна тесная координация между разными видами борьбы против сексизма, расизма, и гомофобии.

IV. ГЕНДЕР, КЛАСС, РАСА И ВОЗРАСТ: ТЕКУЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И БОРЬБЫ

В последней части я бы хотела показать еще одну форму взаимовлияния между разными видами дискриминации и отношениями власти. Речь идет о формировании связи между гендером и возрастом. Действительно, недавно во Франции

¹⁵ Эрик Фассен приводит пример схожего экзамена, которому подвергаются в некоторых регионах Германии мусульманские кандидаты на получение гражданства (Fassin 2006). По этим вопросам см. также: Puig 2007.

велись академические и публичные дебаты о необходимости учитывать возраст как категорию анализа и интегрировать его в ставший классическим набор дискриминационных признаков «класс, гендер, раса» (см., например: Lowy 2006; Age, intersectionnalité... 2009).

Мы знаем, что характеристики неравенства между женщинами и мужчинами варьируют в зависимости не только от расовой и социальной принадлежности, но также и от возраста. Эти неравенства изучены в рамках течения «гендер и возраст» («Gender and aging»), развившегося в США и Великобритании (см., например: Coyle 1997; Woodward 1999; Arber, Davidson, Ginn 2003). Однако во французских социальных науках это явление еще мало изучено, хотя общественное восприятие старения женщин уже давно является важной темой беллетристики (например, в романах Пьера Шодерло де Лакло, Ги де Мопассана, Оноре де Бальзака и др.) и женских автобиографий (Жорж Санд, Коlette, Симона де Бовуар, Маргерит Дюрас и др.).

Упомяну две темы осуществляемых в настоящее время исследований, которые связаны с гендерным подходом к процессу старения.

1. Родительство

Авторы ряда работ обращаются к сочетанию возрастного и гендерного неравенства, которое встроено в комплекс проблем, связанных с социальным признаком так называемого «позднего родительства», то есть неравенства, характерного для периода жизни, когда мужчины и женщины считаются «старыми родителями». Мы знаем об отрицательном общественном восприятии женщин, которые рожают детей в возрасте, близком к менопаузе. Однако, как показала специалистка по истории науки Илана Лоуи (Lowy 2009), такое отношение объясняется не только биологическими причинами. Можно констатировать, что судьи часто отказывают женщинам старше сорока в усыновлении/удочерении или в том, чтобы они рожали детей при помощи медицинских средств, даже когда это безопасно (речь идет не о семидесятилетних, но о сорокалетних женщинах!). При этом полемике о «слишком старых отцах» в этих случаях просто не ведется.

В среднем женщины живут дольше, чем мужчины, однако эта разница между полами не является аргументом при оценке того обстоятельства, что, имея большую продолжительность жизни, они могут дольше поддерживать своих детей, чем мужчины. Таким образом, в случае гендерных периодов и возрастов биологические факты могут получать различную интерпретацию в целях подтверждения гендерных неравенств в обществе.

2. Внешность и сексуальность

Другое социальное различие между полами в связи с возрастом, которое становится довольно популярной темой для исследований во Франции, касается восприятия внешнего вида и сексуальности стареющих мужчин и женщин. Мы знаем, что в наших обществах считается, что женщины теряют свою привлекательность быстрее, чем мужчины. Можно, например, упомянуть, что седые волосы и морщины у мужчины пятидесяти лет не воспринимаются так же, как у женщины этого возраста. В общественном восприятии привлекательность женщин в большей степени, чем у мужчин, связана с юностью, молодостью: у мужчины наличие физиче-

ских следов прожитых лет не исключает сексуальности и может быть интерпретировано положительно, например, как показатель опытности, которая может привлекать партнеров того же или младшего возраста. Но у женщин такие следы воспринимаются, прежде всего, как признаки деградации.

В книге «Второй пол» Симона де Бовуар уже замечала в отношении мужчины: «Поскольку ему, в отличие от пассивного объекта, нет нужды в особой притягательной внешности, то и возрастные изменения лица и тела не разрушают его возможностей соблазнителя» (Бовуар 1997: 651). Вслед за этим наблюдением Симона де Бовуар объясняла поведение пожилых женщин, которые делают все, для того чтобы скрыть свой возраст: в пожилом возрасте им трудно считать себя привлекательными и выражать свои желания в отношении мужчин. В наши дни исследования взаимоотношений в паре и сексуального поведения во Франции позволяют установить корреляцию между неравенством в социальном восприятии стареющего мужского и женского тела и тем фактом, что после шестидесяти лет одиноких женщин гораздо больше, чем одиноких мужчин, независимо от разницы средней продолжительности жизни, которая (разница) во Франции не столь велика, как в России. Например, во Франции 37 процентов женщин в возрасте от шестидесяти до семидесяти лет одиноки, в то время как среди мужчин количество одиноких в том же возрасте – 15 процентов (Vajos et Vozon 2008).

Ввиду этого можно утверждать, что эйджизм, то есть дискриминация по возрасту, является одной из форм сексизма, и что одной из задач феминистской теории, а также искусства и литературы являются эстетическое и политическое переосмысление старения женщин. В качестве раннего примера здесь можно сослаться на поздний роман писательницы Маргерит Дюрас. В более чем семидесятилетнем возрасте она встречает молодого человека, утверждающего: «Говорят, вы были красивы в юности, а для меня вы красивее сейчас, чем тогда, мне меньше нравилось ваше лицо юной девушки, чем теперешнее – опустошенное лицо» (Дюрас 2007: 5)¹⁶.

Неравенство между мужчинами и женщинами в случае возраста варьирует также в зависимости от других параметров, таких как социальный класс и раса, поэтому исследователям, занимающимся проблемой возраста, следует учитывать работы, основанные и на других категориях анализа. В частности, известно, что одной из привилегий высших социальных слоев является возможность стареть медленнее, выглядеть молодо и поддерживать себя в хорошей форме. Возможность эта сильно зависит от типа профессии и финансовых ресурсов, которые мы можем расходовать на поддержание внешнего вида и здоровье: здоровое питание, заботу о теле, медицину, включая пластическую хирургию, к которой могут прибегать только высшие социальные слои. Подчиненные социальные группы: женщины всех слоев, рабочие, иммигранты – нередко дольше считаются «молодыми» (это означает, что они еще не всего «достигли», что они находятся на периферии системы распределения власти) и быстрее становятся «старыми».

¹⁶ Буквальный русский перевод «опустошенное лицо» несколько смещает смысл: в оригинале употреблено «*dévasté*» и имеется в виду «со следами прожитой жизни» (Duras 1984: 9–10).

Как следствие, возможность считаться «взрослыми», то есть находиться в расцвете лет: не быть ни слишком старым, ни слишком молодым, чтобы обладать тем или иным правом или той или иной властью, – это привилегия доминирующих социальных групп. Иными словами, класс, гендер и раса влияют на социальное восприятие возраста и старения. Этот тезис я хочу подтвердить последним в данном тексте примером. Известно, что пары, в которых мужчины намного старше женщин, – нередкое явление, тогда как пары, в которых женщины старше мужа, относительно редки. Притом привлекательность женщин более старшего возраста в глазах более молодых мужчин растет, если женщины оказываются в доминирующей позиции по отношению к мужчинам по классовому и расовому параметрам (Salomon 2007; 2009). Некоторые исследования показывают, что доля пар, где женщина старше мужчины, значительно выше в случае «смешанных браков» или «смешанных пар», особенно когда женщина принадлежит к доминирующему расовому типу, а мужчина – к расовому меньшинству (Philippe et al. 1998).

Можно было бы думать, что при наличии разрыва в возрасте чаще имеют место фиктивные браки или экономическая сделка. Однако анализ таких браков показывает, что ситуация сложнее, поскольку в случае пар, где мужчина старше женщины и при этом обладает более высоким экономическим капиталом и статусом, таковые могут делать его привлекательным, не являясь при этом самоцелью для женщины и не становясь для нее мотивом циничного расчета. Иными словами, эмпирически на этот вопрос трудно дать однозначный ответ: можно ли исключить материальные ресурсы и статус партнеров в любовных отношениях из всей совокупности качеств, существенных для того, чтобы сделать их привлекательными на matrimониальном рынке.

Другими словами, благодаря более высокому социальному положению «белой женщины» из западных стран, женщина может оставаться привлекательной для более молодых мужчин, не обладающих теми же материальными и символическими ресурсами. Эта ситуация отчасти совпадает с такой, когда пожилые мужчины, занимающие высокое положение в обществе, остаются привлекательными для молодых женщин. Но исследования также показывают, что когда жена в смешанных парах старше, это обстоятельство как таковое не меняет кардинальным образом привычные отношения между полами в паре (Philippe et al. 1998), то есть разница в возрасте не лишает мужчин всех мужских привилегий в социальном функционировании пары.

В целом многие исследования последнего времени демонстрируют мобильность властных, гендерных, расовых, классовых, возрастных отношений в зависимости от сочетания социальных переменных. Этот подход не только обновляет академические представления о гендерном неравенстве. Среди его целей также – найти новые возможности для общественных движений, которые, концентрируясь преимущественно на защите прав социальной группы, определяемой по одному из критериев (расы, класса, возраста, пола, сексуальной ориентации и т.п.), не должны способствовать утверждению других форм дискриминации и господства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бовуар, Симона де. [1949] 1997. *Второй пол* / Пер. с фр. И. Малаховой и Е. Орловой; под общ. ред. С. Айвазовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя. Т. 2 [Bovuar, Simona de. [1949] 1997. *Vtoroi pol*. Translated from France by I. Malakhova and E. Orlova; Edited by S. Aivazova. Moscow: Progress; SPb.: Aletei'ya. Vol. 2].
- Дюрас, Маргерит. [1984] 2007. *Любовник* / Пер. с фр. Н. Хотинской и О. Захаровой. М.: Флюид / FreeFly [Dyuras, Margerit. [1984] 2007. *Liubovnik*. Translated from France N. Khotinskoi and O. Zakharovoi. Moscow: Flyuid / FreeFly].
- “«Age, intersectionnalité, rapports de pouvoir»: entretien/table-ronde avec Marc Bessin, Christelle Hamel, Catherine Marry (réalisé par Catherine Achin, Samira Ouardi et Juliette Rennes).” 2009. *Mouvements*. Juillet–septembre:92–101.
- Arber, Sarah, et al. (eds.). 2003. *Gender and Ageing. Changing Roles and Relationships*. Maidenhead – Philadelphia: Open University Press.
- Auclert, Hubertine. 2007. *Hubertine Auclert, pionnière du féminisme: textes choisis*. Saint-Pourçain-sur-Sioule: Bleu Autour.
- Bajos, Nathalie, et Michel Bozon. 2008. *Enquête sur la sexualité en France. Pratiques, genre et santé*. Paris: La Découverte.
- Bard, Christine, 2010. *Une histoire politique du pantalon*. Paris: Seuil.
- Berger, Anne. 2008. “Petite histoire paradoxale des études dites de “genre” en France.” *Le Français aujourd’hui* 163:83–91.
- Bridges, George, and Sara Steen. 1998. “Racial Disparities in Official Assessments of Juvenile Offenders: Attributional Stereotypes as Mediating Mechanisms.” *American Sociological Review* 63:554–570.
- Butler, Judith. 2008. “Sexual Politics, Torture, and Secular Time.” *The British Journal of Sociology* 59(1):1–23.
- Clancy-Smith, Julia. 2006. “Le regard colonial: Islam, genre et identités dans la fabrication de l’Algérie française, 1830–1962.” *Nouvelles questions féministes* 25:25–40.
- Courtine, Jean-Jacques, Georges Vigarello et Alain Corbin (dir.). 2011. *Histoire de la virilité*. Paris: Seuil.
- Coyle, Jean M. (éd). 1997. *Handbook on Women and Aging*. Westport: Greenwood Press.
- Davis, Angela. [1981] 2007. *Femmes, race et classe*. Paris: Des femmes.
- Delphy, Christine. 2001. *L’ennemi principal II, penser le genre*. Paris: Syllepse.
- Delphy, Christine. 2008. *Classer, dominer. Qui sont les «autres»? Paris: La Fabrique.*
- Delphy, Christine. 2010. *Un universalisme si particulier. Féminisme et exception française. 1980–2010*. Paris: Syllepse.
- Dorlin, Elsa. 2007. *Black Feminism, recueil de textes*. Paris: l’Harmattan.
- Dorlin, Elsa. 2008. *Sexe, genre et sexualités*. Paris: PUF.
- Duras, Marguerite. 1984. *L’Amant*. Paris: Minuit.
- Elman, Amy. 2000. “The Limits of Citizenship: Migration, Sex Discrimination and Same-Sex Partners in EU Laws.” *Journal of Common Market Studies* 38(5):729–749.
- Falquet, Jules et al. 2008 (dir.). *Femmes, genre, migrations et mondialisation: un état des problématiques*. Paris: CEDREF/Univ. Paris 7.
- Fanon, Franz. 1952. *Peau noire, masque blanc*. Paris: Seuil.
- Fassin, Eric. 2006. “La démocratie sexuelle et le conflit des civilisations.” *Multitudes* 26:123–131.
- Fassin, Éric, and Didier Fassin. 2006. *De la question sociale à la question raciale? Représenter la société française*. Paris: La Découverte.
- Friedan, Betty. [1963] 2010. *The Feminine Mystique*. London: Penguin.
- Galli, Gabriell. 2011. *Gays et lesbiennes noirs en Ile de France. Penser l’articulation des questions raciales en contexte français et parisien, à partir des parcours de gays et lesbiennes noirs*. Mémoire de Master de sociologie sous la direction d’Éric FASSIN, EHESS.
- Gisti. 2007. “Femmes, étrangers, des causes concurrentes?” *Plein-droit* 75.

- Guénif-Souilamas, Nacira, et Eric Macé. 2004. *Les féministes et le garçon arabe*. La Tour-d'Aigues: Éd. de l'Aube.
- Guillaumin, Colette. [1978] 1992. *Sexe, Race et Pratique du pouvoir. L'idée de Nature*. Paris: Côté-femmes.
- Guillaumin, Colette. [1972] 2002. *L'idéologie raciste. Genèse et langage actuel*. Paris: Gallimard.
- Guionnet, Christine, et Éric Neveu. 2004. *Sociologie du genre*. Paris: Armand Colin.
- Hamilton Krieger, Linda. 2008. *Un Problème de catégories: Stéréotypes et lutte contre les discriminations. (Category Problems: Stereotypes and the Struggle Against Discrimination)*. Paris: French American Fondation.
- Hill Collins, Patricia. [1990] 2009. *Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness and the Politics of Empowerment*. New York; London: Routledge.
- Hill Collins, Patricia. 2005. *Black Sexual Politics: African Americans, Gender, and the New Racism*. New York; London: Routledge.
- hooks, bell. 1981. *Ain't a Woman: Black Women and Feminism*. Boston: Long Haul Press.
- ICREF (Institut canadien de recherches sur les femmes). 2006. *Les cadres d'analyse féministe intersectionnelle: une vision émergente*. Ottawa: CRIAW/ICREF.
- James, Selma. 1973. *Sex, Race and Class*. Bristol: Falling Wall Press.
- Jaspard, Maryse, et al. 2003. *Les violences envers les femmes en France: une enquête nationale*. Paris: La Documentation française.
- Kergoat, Danièle, et Yvonne Guichard-Claudic. 2007. "Le corps aux prises avec l'avancée en mixité." *Les cahiers du genre* 42:5–18.
- Kergoat, Danièle. 2009. "Dynamique et consubstantialité des rapports sociaux." in *Sexe, race, classe. Pour une épistémologie de la domination*, edited by E. Dorlin. Paris: PUF.
- Laclau, Ernest, and Chantal Mouffe. 1985. *Hegemony and Socialist Strategy*. London: Verso.
- Lowy, Ilana. 2006. *L'emprise du genre*. Paris: La Dispute.
- Lowy, Ilana. 2009. "L'âge limite de la maternité: corps, biomédecine, et politique." *Mouvements* 59:102–112.
- Manalansan, Martin F. 2006. "Queer Intersections: Sexuality and Gender in Migration Studies." *International Migration Review* 1(40):224–249.
- Mathieu, Nicole-Claude. 1991. *L'anatomie politique. Catégorisations et idéologies du sexe*. Paris: Côté-femmes.
- Memmi, Albert. 1957. *Portrait du colonisé, précédé du portrait du colonisateur*. Paris: Buchet/Chastel.
- Mosse, George. L. 1996. *L'image de l'homme, l'invention de la virilité moderne*. Tempo: Abbeville.
- Myrdal, Gunnar. [1944] 1996. *An American Dilemma: The Negro Problem and Modern Democracy*. New Brunswick, N. J.: Transaction.
- Nader, Laura. 1989. "Orientalism, Occidentalism and the Control of Women." *Cultural Dynamics* July:323–355.
- Nordmann, Charlotte (dir.). 2004. *Le foulard islamique en question*. Paris: Amsterdam.
- Oakley, Ann. 1972. *Sex. Gender and Society*. London: Temple Smith.
- Philippe, Claudine, et al. (dir). 1998. *Liberté, égalité, mixité... conjugales. Une sociologie du couple mixte*. Paris: Anthropos.
- Power, Nina. 2009. *One-Dimensional Woman*. Winchester: Zero Books.
- Puar, Jasbir K. 2007. *Terrorist Assemblages: Homonationalism in Queer Times*. Durham: Duke University Press.
- Régnier-Loilier, Arnaud. 2009. "L'arrivée d'un enfant modifie-t-elle la répartition des tâches domestiques au sein du couple?" *Population et Sociétés* 461.
- Rennes, Juliette. 2011. "Illégitimer des distinctions en droit. Stratégies politiques et enjeux épistémologiques." *Politix* 94:35–57.
- Roy, Olivier. 2005. "Intifada des banlieues ou émeutes des jeunes déclassés?" *Esprit* 12 (décembre).
- Salomon, Christine. 2007. «Jungle fever: Genre, âge, race et classe dans une discothèque parisienne» *Genèses* 69:92–111.

- Salomon, Christine. 2009. "Vers le nord." *Autrepart* 1 (49):223–240.
- Sartre, Jean-Paul. 1954. *Réflexions sur la question juive*. Paris: Gallimard.
- Smith, Barbara. [1983] 2000. *Home Girls: A Black Feminist Anthology*. New York: Kitchen Table, Women of Color Press.
- Sohn, Anne-Marie. 2009. "Sois un Homme!": *la construction de la masculinité au XIXe siècle*. Paris: Seuil.
- Stoler, Ann-Laura. 2002. *Carnal Knowledge and Imperial Power: Race and the Intimate in Colonial Rule*. Berkeley: University of California Press.
- Tabet, Paola. 1998. *La Construction de l'inégalité des sexes: des outils et des corps*, Paris: L'Harmattan.
- Tevanian, Pierre et al. 2008. *Les filles voilées parlent*. Paris: La Fabrique.
- Tissot, Sylvie. 2007. "Bilan d'un féminisme d'État. *Plein-droit*" 75 (<http://www.gisti.org/spip.php?article1072>. Просмотрено 30.01.2012).
- Woodward, Kathleen. 1999. *Figuring Age. Women, Bodies, Generations*. Bloomington: Indiana University Press.